

УДК 94(470.47)
ББК 63.3 (2)46

О ПРЕБЫВАНИИ КАЛМЫЦКИХ ПОСЛОВ В МОСКВЕ В КОНЦЕ 1650-х – НАЧАЛЕ 1660-х ГОДОВ

В. Т. Тепкеев

В результате перекочевки из Центральной Азии на запад калмыки в первой половине XVII в. начинают активно осваивать степные пространства Северного Прикаспия, входя в непосредственное соприкосновение с народами Северного Кавказа и Причерноморья, населением юга России. Калмыцкое войско обладало значительным военным потенциалом, и с началом Русско-польской войны 1654–1667 гг. в правительственных кругах Московского государства возник вопрос о привлечении калмыков для борьбы с Крымским ханством, которое выступило в союзе с Речью Посполитой. В результате переговоров были достигнуты военно-политические соглашения между Москвой и калмыцкими тайшами, оформленные в так называемые «шерти» (договоры) в 1655, 1657, 1661 гг. Именно с этого времени в столице частыми гостями становятся калмыцкие послы, что не могло не найти отражение в архивных документах. При рассмотрении дел фонда «Калмыцкие дела» за указанные годы удалось обнаружить, в том числе и ранее неизвестные, сведения о пребывании в Москве калмыцких послов.

Официальная сторона миссии калмыцких посольств в Москве в XVII в. вкратце рассмотрена в ряде работ [Кичиков 1994; Очерки 1967; Преображенская 1960]; что же касается вопроса о повседневной жизни членов калмыцких посольств во второй половине XVII в., то он был предметом специального исследования Ж. Б. Кундакбаевой [Кундакбаева 2006]. В данной статье в определенной мере снова будет затронута данная тема для ее дополнения с учетом выявленного нового фактического материала.

Активизация калмыцко-крымских переговоров во второй половине 50-х гг. XVII в. в целом не изменила политический курс большинства представителей калмыцкой

верхушки, которая в основном продолжала ориентироваться на Москву, несмотря на продолжающиеся столкновения на границе между царскими подданными и калмыками. Маршрут калмыцких посольств в российскую столицу, как правило, начинался от Царицына или Саратова, реже от Самары и продолжался далее через Пензу, Темников, Касимов и Владимир. С момента вступления в пределы Московского государства и на протяжении всего пути послы переходили на систему полного государственного обеспечения продовольствием. По прибытии в столицу послы становились участниками грандиозного действия, которое «разыгрывалось» для них дьяками Посольского приказа. При въезде в Москву дьяки извещали послов о времени вступления в столицу [Кундакбаева 2006: 523, 525].

Из русских документов видно, что состав калмыцкого посольства формировался из представителей главных тайшей и ногайских мирз, во главе которых выделялся старший посол, представляющий в свою очередь интересы первенствующего тайши. Поскольку участие в посольской миссии приносило неплохие материальные выгоды в виде царских подарков и жалованья, в состав посольства вводились наиболее приближенные к старшим тайшам лица из числа представителей среднего калмыцкого сословия: дарханов, зайсангов и т. д. Число их, включая «кашевара», доходило от нескольких человек до нескольких десятков. Например, в состав посольства, которое прибыло в Москву в мае 1658 г., входили представители старших калмыцких тайшей Дайчина, Мончака и едисанского мирзы Сеунча Абдулова, а возглавлял калмыцкую делегацию из 6 человек Кушучидархан [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 23–24].

По приезду в Москву послы обязательно сообщали о цели своего визита, а также информировали о последних событиях, которые происходили в их регионе. Например, в 1658 г. калмыцкие послы извещали царскую администрацию о неоднократных попытках крымского хана, персидского шаха и хивинского хана склонить калмыков к союзу. Но послы подтвердили готовность своих тайшей и мирз к дальнейшему укреплению русско-калмыцких отношений и постоянному обмену посольствами. Единственное, что омрачало эти самые отношения, по словам послов, так это постоянные набеги на калмыцкие улусы башкир и яицких казаков [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 27–28].

Существует довольно любопытное описание церемонии представления государю калмыков. 25 июня 1658 г. прошла аудиенция калмыцких послов у царя Алексея Михайловича. Большое значение придавалось маршруту послов во дворец. На постоянный двор к послам присылали из царской конюшни лошадей. Оттуда посольство направлялось в Кремль, непосредственно в Посольскую палату. Здесь послы ждали указа, а затем их проводили через Архангельскую площадь. Отсюда они поднимались по Средней лестнице и входили в палату к государю, где «бьют ему челом» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 52–53]. Как отмечает Н. М. Рогожин, в царский дворец Московского Кремля иностранные послы входили двумя путями: представители христианских государей – по лестнице «у Благовещения» на соборную паперть и далее по переходам у Красного крыльца; мусульмане – по Средней лестнице сразу на Красное крыльцо, так как «бусурманским» дипломатам негоже было проходить соборной папертью [Рогожин 2002: 55].

Тронное возвышение русского царя находилось в Золотой палате в юго-восточном углу [Рогожин 2002: 55]. Именно здесь думный дьяк Ларион Лопухин официально и представил калмыцких послов царю. Через несколько дней после торжественной аудиенции назначалась вторая встреча, во время которой царь сообщал ответ или назначал несколько соответствующих бояр для переговоров. Например, затронув вопрос о набегах башкир и яицких казаков на калмыцкие улусы, царь приказал вернуть калмыкам все захваченное у них имущество, пленных и

обменять аманатов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 88, 91].

Представление даров было также важной частью дипломатического ритуала. Обычно калмыки дарили лошадей, сабли, саадаки и стрелы, седла, бухарские и китайские изделия кустарного промысла. Особое значение имел подарок в виде верховой лошади [Khodarkovsky 1992: 61].

Решив основные политические вопросы русско-калмыцких отношений, послы могли обратиться к царю и с личной просьбой. Так, например, не преминул воспользоваться благоприятной возможностью старший посол Кушучи-дархан. Еще летом 1644 г. во время погрома отрядом воеводы Льва Плещеева калмыцкого улуса Даян-Эрке в русском плену среди других оказалась и мать посла, которую звали Коранай (или Харнаца). По сведениям Кушучи, его мать жила в Москве тем, что «скитаецца меж двор и кормитца христовым именем». Посол просил вернуть ему мать с младшим братом, родившимся уже в плену. В результате расследования в Посольском приказе выяснилось, что мать Кушучи действительно с сыном Меркушей жила в Москве, но зарабатывала на жизнь портным делом. В Вознесенском монастыре ее окрестили под именем Екатерина [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 78–82]. Дальнейшая судьба этой семьи в документах не прослеживается. Известно только, что возвращать крещеных калмыков к их сородичам по российским законам было запрещено.

Калмыцким послам, как и другим посольствам, прибывавшим в Москву, предоставлялось отдельное подворье, а Посольский приказ обеспечивал послов стрелецкой охраной. В XVII в. калмыков обычно селили на Ордынской улице или в Ордынской слободе. Причем никто из посторонних лиц, кроме приставов и охраны, не имел права входить к послам. Поначалу царская администрация в целях не допустить возможности калмыкам собирать всяческую информацию старалась предотвратить их контакты с местными жителями. В июне 1658 г. на постоялом дворе, где жили калмыцкие послы, произошел инцидент между калмыцким послом и стрелецким пятидесятником Семеновского приказа, стоявшим в охране. В Посольский приказ через толмача поступила жалоба посла о том, что пьяный стрелец его избил, порвал шубу, а у одного разнимавшего их калмыка вырвал на

голове клок волос. Началось расследование. Со слов же стрельца, началось все с прихода к оградительному забору двора местной татарки, которая по просьбе калмыков купила и передала им коробку с железными стременами, при этом она о чем-то говорила с ними по-татарски, что в принципе было запрещено делать. В ответ на замечание охранника калмыки заперли стрельца в избе и начали избивать, но на его крик прибежали другие охранники и разняли дерущихся [Кундакбаева 2006: 527]. В результате расследования власти решили было подвергнуть стрельца телесному наказанию, но послы обратились с просьбой к властям его не наказывать, мол, «учинил то хмельным обычаем» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 17–21].

Большой интерес также представляют сведения о калмыцком посольстве в Москве 1661 г., ранее практически неизвестном в историографии. Калмыцкую делегацию возглавляли послы Дайчина и Мончака – Зайсан-дархан и Нанзай с 30 сопровождающими, а также представители Солом-Церена – Зоргучи и Эрден с 5 сопровождающими лицами. Калмыки прибыли в Москву в начале августа и пригнали на продажу 410 лошадей. Поскольку посольство было многочисленным, а калмыки беспокоились за сохранность своего имущества, то по царскому указу их расположили под Дорогомиловской слободой на Хорошевских лугах [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 2. Л. 1–2, 12; Д. 3. Л. 4].

5 августа калмыцких послов в Посольской палате принял царь Алексей Михайлович. Посланцы привезли от тайшей три письма, два из которых были написаны на старописьменном калмыцком языке. Первое письмо, адресованное от Дайчина, Мончака и Манжи-Ялбо, было изложено на старописьменном татарском языке. Поскольку в Посольском приказе в то время отсутствовали знатоки калмыцкого языка, которые могли бы перевести письма, то послы зачастую совместно с царскими толмачами сами выступали в роли переводчиков письменных посланий тайшей. По сведениям Г. Котошихина, калмыцкие тайши в своих письмах титул русского царя обозначали очень коротко: «„Белому царю Алексею Михайловичю всеа Руси здравствовать“, а иные толк напишут „Белому ж царю“, а имени его и титул не пишут. А пишет Крымской хан и Калмыки в грамотах своих о всяких делах коротко, и не с

прошением, или упоминанием, для того что у них бывает приказ словом с послами» [О России в царствование Алексея Михайловича 1884: 43].

В русских документах сохранились довольно интересные сведения не только об официальной части пребывания калмыцких послов в Москве летом 1661 г., но также и вполне житейские их истории, связанные с некорректным поведением членов посольской свиты. Например, прикрепленный приставом к посольству Арсений Ищеин жаловался в администрацию, что калмыки, жившие на Желтовском лугу, «почали дуровать озорничеством большим». Некоторые из калмыков переплавались на лошадях через реку Москва и под вотчиной боярина Ильи Даниловича Милославского гонялись за местными девушками [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 2. Л. 45].

Другая история была снова связана с судьбой калмыцких пленников. Один из калмыцких посланников во время прогулки по Красной площади в сопровождении русского толмача случайно встретил калмыцкую женщину, в прошлом полонянку. Звали ее Аргасына, по стечению обстоятельств она оказалась племянницей главного калмыцкого посла Зайсан-дархана. В русский плен Аргасына попала еще девочкой 17 лет назад, т. е. в 1644 г., во время военной экспедиции против калмыков воеводы Л. Плещеева. Калмычка в качестве трофея оказалась у шотландского полковника на русской службе Александра Крафферта¹, который и привез ее в Москву, окрестив в «немецкую веру» (протестантство) под именем Сусанна. Позже полковник погиб на русско-польской войне, а женщина получила свободный статус и пожелала вернуться в калмыцкие улусы, где были еще живы ее родители [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 2. Л. 62]. К сожалению, в документах не прослеживается, какова была официальная реакция царской администрации на дальнейшую судьбу этих крещеных калмыков.

Несмотря на то, что по дороге послам давались для охраны пристава и стрельцы, были случаи, когда посольства подвергались нападению. Например, в 1664 г. калмыцкие послы Кулачи Тархан и Путарык

¹ Александр Краферт (Крофорд) – шотландский офицер на русской службе. В России возглавлял общину пресвитериан и являлся церковным старостой [Опарина 2006: 165].

«били челом» в Приказ Казанского дворца²: «украли де у них лошадей на Кожуховском лугу, под деревней боярина Салтыкова 35 лошадей, да у него в тех грабежах взяли деньгу 300 рублей, да бешмет цена 3 рубли с полтиною, да 4 иноходца» [цит.: Кундакбаева 2006: 528–529]. Прибывшее в феврале 1665 г. в Москву от Мончака калмыцкое посольство во главе с Каичю и 10 сопровождающими его лицами в районе села Подвислое Рязжского уезда (под Рязанью) подверглось нападению служилых казаков. В ходе драки калмыцкие послы, кабардинские уздени и русские сопровождающие были избиты, а некоторым участникам посольства проломили головы. Только вмешательство старейшин села остановило дальнейшее побоище. Позже из Москвы пришел строгий указ о наказании в селе Подвислое всех виновных лиц и возвращении ими награбленного имущества, взятого у калмыков и кабардинцев [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 2. Л. 1, 41, 44, 186–187].

Одним из неурегулированных вопросов в русско-калмыцких отношениях оставался процесс обмена пленными. Царь приказывал брать у послов поименный список калмыцких пленников, находившихся в русских городах, и, срочно разыскав, возвращать, но сделать это было весьма сложно. Например, большинство пленных калмыков, проживавших в Москве, были уже обращены в православную веру. На тот момент существовал особый царский указ о запрете передавать крещеных калмыков к их же собратьям. Послы знали о существовании подобного указа и поэтому просили от царских властей личной встречи с каждым из новокрещеных калмыков, чтобы убедиться в добровольности принятия ими новой веры.

Вполне наглядна, например, история крещеного молодого калмыка по имени Кукнак (в крещении Михаил). Послы имели возможность лично его расспросить о мотивах подобного шага. Оказалось, что во время одного из крымских походов в бою Кукнак был сбит с лошади и, упав в яму, потерял сознание. Когда очнулся, то его товарищи погнали крымцев дальше, а он остался в степи один, где его и подобрали запорожцы, а затем привезли в Москву. Отсюда он попытался в 1664 г. уехать домой

² Видимо, с этого времени «Калмыцкие дела» были переведены из Посольского приказа в ведомство Приказа Казанского дворца.

вместе с калмыцким послом Кантак-Кочучи, но тот, пообещав замолвить за него слово в Посольском приказе, так и уехал без него. От обиды Кукнак после этого принял крещение и показал послам свой нательный крест, отказавшись, таким образом, возвращаться домой. Это вызвало бурю негодования со стороны калмыков, и они прогнали от себя Кукнака. В сердцах главный посол заявил царским представителям, что Мончак со своей стороны также будет обращаться в «калмыцкую веру» русских людей, освобожденных из крымского плена, и оставлять, таким образом, в своих улусах. Посол задавался вопросом о дальнейшей судьбе калмыков, воюющих за русского царя. По его мнению, если бы царские власти крестили 10 тыс. калмыков, то Мончак государю «и бить челом не стал» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 2. Л. 119, 135, 171–175]. Но процесс христианизации калмыков уже был запущен, и он продолжался с переменным успехом в течение XVII и XVIII столетий, не приведя к значительным результатам.

Довольно интересные сведения о калмыцком посольстве в Москве сохранились и в европейских источниках. Например, 4 марта 1665 г. в столице калмыцких послов с любопытством наблюдали представители голландского посольства. Вот как описал внешний вид калмыцких послов в своем путевом дневнике Николас Витсен: «...на прием к великому царю пришли калмыки..., у них самостоятельный князь. Говорят, они приезжают сюда, чтобы предложить свои услуги царю от имени их князя Тайчжи Мончака... Эти люди одеты в грубые шкуры овец и других животных, иногда, но редко – в шитые кафтаны из шкур разных диких зверей. Они носят в ушах большие кольца, иногда продетые и через нос. Теперь же, когда они ездят к царскому двору, им пожаловали красные кафтаны; у самого главного из них висит на груди медная коробочка с их идолом. Это люди небольшого роста, плотные и желто-коричневого цвета; лица у них плоские, с широкими скулами; глаза маленькие, черные и сощуренные; голова бритая, только сзади с макушки свисает коса... Когда они закончили свои дела у царя, им подарили вышитые кафтаны, которые им тут же при царе надели» [Витсен 1996: 197–198].

Обычай одаривать калмыцких послов платьем, которое требовалось надевать во время аудиенции у царя, в Москве имел глу-

боко символическое значение. Например, следуя жесткому правилу, сами русские дипломаты за границей могли появляться только в национальной одежде, так как считалось, что в случае одевания жалованного ими в той или иной стране пребывания местного платья, они тем самым роняли «государеву честь» [Юзефович 1988: 37]. В калмыцкой же традиции одаривание одеждой являлось значимым ритуалом, и получение наплечной одежды расценивалось как ценный подарок. Поэтому среди калмыков не существовало запрета, подобного русской традиции. Обычно в комплект платья, которым одаривали калмыков, входили однорядки, кафтан, шапка, сапоги. Причем платьем одаривались как сами посланники, рядовые члены посольства, так и их кашевары, но при этом различалась их цена [Кундакбаева 2006: 524].

На другой день, 2 апреля, Витсен оставил о калмыцких послах следующую запись: «Вблизи мы видели калмыков..., они были в своей собственной одежде из волчьих шкур, шерстью наружу; это кафтаны до земли, но сзади высоко подрезаны, чтобы удобнее было сидеть верхом на лошади, шапки тоже из меха, украшенные конскими хвостами; в ушах – очень большие кольца, с которых свисают кораллы. Вокруг шеи – цепь из мелких круглых бусинок, грудь открыта, ноги и ступни, как сказано выше, очень кривые; они постоянно ездят верхом и поэтому ходят с трудом» [Витсен 1996: 222].

После завершения своей миссии калмыцкие послы старались без задержки возвратиться обратно. Концовка писем калмыцких тайшей к московским властям часто содержала определенную формулировку: «А послов наших, не задержав, изволите к нам отпустить» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 2. Л. 40–41] или «И совершив посольские дела, послов наших отпусти вскоре» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 2. Л. 38–39]. На языке калмыцкой дипломатии это означало, что быстрое возвращение посольства из какого-либо государства было признаком дружеских намерений. Отсрочка отъезда посольства интерпретировалась калмыками как действие непочтительности или прямой враждебности [Khodarkovsky 1992: 63].

Подводя итог, можно согласиться с весьма верным замечанием Ж. Б. Кундакбаевой. С одной стороны, калмыки, прибывшие в Москву, были оглушены торжественностью приема в Кремле; с другой стороны, они

сталкивались с совершенно чуждой социокультурной средой, и вне парадной стороны, на бытовом уровне официальные власти не всегда могли их оградить от проявления неприятия русских людей на этнокультурном уровне [Кундакбаева 2006: 531–532]. Помимо официальной части пребывания калмыцких посольств в Москве архивные документы за указанные годы вскрывают и другие стороны в русско-калмыцких отношениях: бытовые, экономические и межрелигиозные. Дальнейшее более детальное исследование их позволит широко осветить не только политические, но и социально-экономические аспекты.

Источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

- Витсен Н. Путешествие в Московию: 1664–1665. Дневник / пер. со староголланд. В. Г. Трисман. СПб.: Симпозиум, 1996. 272 с.
- Кичиков М. Л. Образование Калмыцкого ханства. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 123 с.
- Кундакбаева Ж. Б. «Прислал де их Аюкай тайша бить челом великому государю царю...» (приезд в Москву калмыцких посланников во второй половине XVII в.) // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М.: Древлехранилище, 2006. С. 520–532.
- Опарина Т. А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV–XVIII веках. М.: Древлехранилище, 2006. С. 141–166.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / под ред. Н. В. Устюгова. М.: Наука, 1967. 479 с.
- О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. Изд. 3. СПб., 1884. 196 с.
- Преображенская П. С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVIII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1960. Вып. 1. С. 49–83.
- Рогожин Н. М. У государевых дел быть указано... М.: РАГС, 2002. 285 с.
- Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М.: Междунар. отношения, 1988. 216 с.
- Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ithaca, N.Y., 1992. 280 p.